

— Бер. Москва, 1997. — 21 с. — 100 экз. — 100 руб.

СПОРТ — ЭТО МОЯ «ФОРМУЛА» УСПЕХА

Действительный член академии творчества, народный артист России, профессор Московской консерватории, декан самого крупного фортепианного факультета **Сергей Леонидович Доренский** всю жизнь увлекается не только музыкой. Другая пламенная страсть музыканта — спорт, которому он посвящает все свободное время. И если знакомые и друзья Сергея Доренского давно не удивляются его спортивным причудам, то для миллионов почитателей таланта маэстро эта новость — настоящее откровение. А какой пример для молодых учеников.

— **Сергей Леонидович, признайтесь, когда вы заразились спортом?**

— Родился в спортивной семье, да и Бог внешними данными не обидел. Так что к спорту вряд ли мог быть равнодушен. Мой дядя Аркадий Иванович Чернышев в 30-х годах играл третьим номером вместе с Михаилом Якушиным за «Динамо». Хавбек. Семилетним мальцом я уже ходил на футбол, на Чернышева. Отец, Леонид Михайлович, всю жизнь проработал спортивным фотокорреспондентом «Известий», ТАСС, «Недели». Он и водил меня на все матчи, часто усаживал прямо за воротами. Впечатления были не забываемыми.

— **И первым вашим спортивным увлечением был футбол?**

— Не угадали. Жена дяди Раиса Ивановна Чернышева была известной рапиристой. Поэтому первое, что я взял в руки, была рапира. Но у меня не очень получалось, и я записался в секцию большого тенниса. Тогда в Москве было всего два закрытых корта — на «Динамо». Непредсказуемая и азартная игра понравилась. Занимался у Нины Теляковой — чемпионки начала 30-х годов. Экипировка в то время, конечно, разительно отличалась от современной. На исключительно земляных кортах сражались деревянными ракетками, у которых даже рукоятки были из дерева. Царствовала английская мода — дамы играли в длинных юбках, мужчины — в брюках. Французского мушкетера Анри Коше, приезжавшего в Союз в 1936 году, я не застал, но помню рассказ, как он приметил Николая Озерова. На одном из своих открытых уроков Коше заявил: «Из этого толстяка будет толк». Николай Николаевич уже тогда был очень упитанным.

— **Когда учились в консерватории, то главным хобби тоже был теннис?**

— Только не большой, а пинг-понг. Во время войны он исчез, а с появлением шариков из целлюлозы вновь возродился. Помню, как отец принес домой две ракетки и мы стали устраивать баталии на большом столе в нашей квартире на Малой Бронной. Играл он очень прилично, и первое время регулярно меня обыгрывал. В том, 48-м году, заканчивал Центральную музыкальную школу, и мы с ребятами с помощью плотника соорудили стол, на котором и «резались». А по консерватории я ходил эдаким пижонем с ракеткой и все время жонглировал шариком. Пинг-понг был у студентов повальным увлечением. Мы обнаружили старый дубовый стол и приспособили его для наших баталий. Причем поставили его в фойе у Малого зала, где проходили экзамены. И вся профессура постоянно наблюдала одни и те же лица.

— **Занятия пропускали?**

— Мы жили около стола, обедали бутербродами рядом с ним. Не удивительно, что как-то раз декан факультета Яков Зак меня спросил: «Послушайте, товарищ Доренский, а вы вообще на рояле играете или только в пинг-понг?» Играл я очень неплохо — выиграл первенство Москвы среди вузов, получил первый разряд. Затем от общества «Буревестник» отправился на студенческую спартакиаду в Санкт-Петербург, где дошел до четвертьфинала. Но надо было учиться, и музыка перетянула. Кстати, сегодняшние студенты составляют поразительный контраст с нашим поколением — спортом занимаются на моем факультете единицы.

— **На футбол продолжали ходить?**

— Безусловно. Отец очень любил снимать Боброва. Я был на том историческом матче, когда в 1948 году ЦДКА вырвал звание чемпионов страны у «Динамо». В середине второго тайма при счете 2:1 в пользу ЦДКА защитник армейцев Кочетков срезал мяч в собственные ворота. Болельщики были в шоке. Однако за четыре минуты до конца игры в ступоре около динамовских ворот мяч оказался у Вячеслава Соловьева. Тот сильно пробил — мяч угодил в штангу и отскочил к опере-

дившему всех Всеволоду Боброву. Тот с ходу направил его в сетку, армейцы в третий раз подряд завоевали звание чемпионов страны, сделав в этом же году дубль — выиграли Кубок страны.

— **А сами в футбол играли?**

— Еще как. Был центрофорвардом в команде нашего факультета. Над нами, правда, все студенты посмеивались — мы оберегали руки и выступали ... в перчатках. Зрелище действительно весьма экзотическое. Левым защитником у нас был дирижер Владимир Ашкенази — бегал быстро, но техника плохая была, часто играл грубо, рубил, что называется, с плеча. Из-за него мы много штрафных заработали. Из нынешних знаменитостей выступал пианист Евгений Малинин. А судил наши встречи скрипач Эдуард Грач. Мы исповедовали техничный футбол. Но нас обыгрывали — жестких единоборств, силовой борьбы мы избегали. Соперники наше слабое место знали и, естественно, применяли силовую тактику.

— **Зимой, вставали на коньки и ходили на хоккей?**

— Для хоккея я ростом был великоват. Поэтому предпочитал быть зрителем — в Лужниках, на Западной трибуне. Вся Москва ходила на Боброва. Он, бывало, из-за ворот как разгонится, никакие защитники не могли остановить. Неудержим был. Сидеть на морозе было холодно, и кто чем разогревался — чаем, кофе, коньяком или водкой. А ведь любовь Боброва к спиртному и спасла его. Когда вся команда вылетела в Свердловск, его не взяли, а самолет разбился — Ли-2 обледенел и потерял управление. Погиб и Зденек Зигмунд — неоднократный чемпион Союза в парном разряде по теннису, бессменный партнер Николая Озерова и соперник Бориса Новикова.

— **Сергей Леонидович, вы встречались с Пеле. Как познакомились, в Бразилии?**

— Да, в 1968 году. В августе, когда советские танки ввели в Чехословакию, я как раз должен был давать очередной концерт в Рио-Жанейро, в театре «Муниципаль». А тут ко мне подходят двое и заявляют: «Выйдешь играть — убьем». Перепугался страшно. Звоню в посольство, спрашиваю: «Что делать?». Мне отвечают: «Решайте сами, нас здесь помидорами, бананами и апельсинами закидали». Решил — буду играть. Первая мелодия была лирическая — ноктюрн Шопена. А сам весь трясусь. Подсознательно мысль работает — надо сбить с «пушки». Дурацкая идея. Человек ходуном ходит, и его телодвижения абсолютно не соответствуют музыке. То ли пьян, то ли нервный припадок. На одном из моих концертов в этот злосчастный месяц присутствовал Пеле. Он и пригласил меня на футбол.

— **А та ситуация благополучно завершилась?**

— Оказалось, что мой импресарио Тамара Тайзлин договорилась с полицией и те

прислали на концерт 50 секретных агентов, громко жующих жвачку и абсолютно равнодушных к музыке. К тому же мне из посольства за два часа до выступления прислали телохранителя. А как только завершился концерт, из-под сцены появился автомобиль. Я сел, мы опустили и в сопровождении двух полицейских машин с сиренами благополучно добрались до отеля. Такой почетный эскорт был у меня раз в жизни.

— **На вас произвела впечатление игра Пеле?**

— Я присутствовал на матче «Сантоса» с «Ботафого». И воочию еще раз убедился, что все бразильцы — футбольные волшебники. До этого, в 1957 и 1962 годах, я бывал в Бразилии и наблюдал игру Загало, Сантоса, Гарринчи. Мне рассказывали, как 15 июля 1958 года после матча со сборной Бразилии на чемпионате мира в Швеции в раздевалке плакал защитник Борис Кузнецов, ничего не сумевший противопоставить финтам Гарринчи.

А на тот матч с участием Пеле меня провел корреспондент Всесоюзного радио по странам Южной Америки Игорь Фесуненко. Если бы не его участие, сфотографироваться с Пеле после матча не удалось бы.

В сентябре 1995 года слышал, как вы вели репортаж с Сергеем Ческидовым с одного из этапов гонок «Формула-1» в итальянском местечке Монца. Каким ветром вас туда занесло?

— Совершенно случайно с женой заглянули. И с тех пор «брежу» этим видом спорта. Вместе с сыном Сергеем собрали целую видеотеку. Все хочу вырваться, вновь увидеть зрелище, как ревет 325 моторов, и кажется, что Зевс разгневался и мечет молнии. «Формула-1» — целая индустрия,двигающая автомобилестроение семимильными шагами вперед.

— **Вы сами — заядлый автомобилист?**

— За рубежом всегда беру на прокат «Фольксваген» или «Тойоту». Поразительно устроены эти машины. Кажется, вообще багажника нет, а влезает два огромных чемодана. В моей же «Волге» колесо запасное мешает.

— **Сами как-нибудь тренируетесь? Например, зарядку делаете?**

— Моя зарядка — ежедневный тренинг на рояле. Чем старше становишься, тем больше надо играть, — суставы уже не такие подвижные, рука не столь пластичная. Любой вид спорта требует молодости. Исполнительское мастерство, будь ты пианист или спортсмен, сильно зависит от возраста, не в пример литературному или поэтическому творчеству или работе скульптора, художника. Зато с годами становишься заядлым болельщиком.

Беседовал Сергей СОРОКИН

Фото Виктора АХЛОМОВА

